

Эминенс Сангвис / Eminence Sanguis (рассказ)

Перевод коллектива "Warhammer: Чёрная Библиотека"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Warhammer: Чёрная Библиотека". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Эминенс Сангвис / Eminence Sanguis
(рассказ)

Автор [Гай Хейли / Guy Haley](#)

Переводчик [Артём Шутов](#)

Издательство Black Library

Следующая книга [Данте / Dante](#)

Год издания [2017](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Коринал

Система Корра

Багровый кинжал устремился к планете Коринал. Силуэт и название этого гладкого, быстрого корабля были хорошо известны во множестве систем, поскольку «Эминенс Сангвис»^[1] был личным транспортом верховного капеллана Кровавых Ангелов. Его появление редко приветствовалось. Системы, в которые он направлялся, были населены сынами Сангвиния, и визиты верховного капеллана в ордены-наследники редко предвещали что-то хорошее.

На борту находилось всего пять боевых братьев — капитан Лоренц, прикомандированный к флоту Небесных Врат, брат Баст и брат Коллефон, оказывающие содействие. Вместе с ними путешествовал капеллан Асторат в качестве адъютанта верховного капеллана — пятого и главного члена отряда. Сила немногочисленная, но мощная.

Коринал быстро рос в незащищенном окулусе командной палубы. Лоренц и Асторат стояли бок о бок, наблюдая, пока он не заполнил обзор.

Их взору предстала планета с яркой пустыней и бескрайним кобальтовым океаном. Зелень окаймляла края единого массивного континента. Пять длинных рек прорыли изумрудные долины по всей земле. Огромная высокогорная масса в центре континента представляла собой поразительное собрание коричневых каньонов джунглей, филигранно украшенных белыми снежными хребтами. На полюсах были ледяные шапки, окаймленные серой тундрой, которая сменилась желтыми лугами. Но эти разнообразные цвета земной жизни казались пятнами на ослепительно-белых песках внутренних районов континента. Из этих бескрайних пустошей исходил планетарный свет Коринала, бескомпромиссное сияние, заливавшее небольшую палубу резким светом.

— Выглядит горячо, — сказал капитан Лоренц.

Капеллан Асторат искоса взглянул на воина через рубиновые линзы шлема-черепа.

— Так и есть, — подтвердил Лоренц. Он пожал плечами, его автореактивные наплечники заурчали, сдвинувшись в попытке повторить движение. Он и Асторат были очень разных темпераментов. Лоренц знал, что капеллан не одобрял его не самый серьезный характер, что только поощряло Лоренца к легкомыслию.

— Поставь нас на низкий якорь и выведи на геостационарную орбиту, — сказал Асторат.

— Как пожелаете, капеллан, — сказал Лоренц. Капитан прошел от передней части мостика к своему командному помосту. Бронированными пальцами он активировал кнопки ввода на экранах, закрепленных на направляющих. — Выполняйте маневр, — приказал Лоренц своим кровным рабам. Экипаж был небольшим, как и подобало кораблю таких размеров, как «Эминенс Сангвис» — сотня смертных, тысяча сервиторов.

— Как прикажете, милорд, — ответил первый помощник Лоренца. Распоряжение было передано офицерам постов. Корабль загрохотал, когда его мощные реверсивные двигатели изрыгнули огонь, заполнив обзор через окулус вспышкой замерзших выхлопных газов. Металл звенел от напряжения крутого поворота, который «Эминенс Сангвис» выполнял по отношению к планете. Смертные офицеры, следящие за расстоянием и гравитационным притяжением, тихо совещались друг с другом, корректируя

курс и скорость. Сервиторы выражали бездумное согласие на все, о чем бы их ни просили.

Окутанный огнем, «Эминенс Сангвис» вышел на стабильную орбиту, преследуя ползущую по морю линию ночного терминатора^[2].

Единственная крестообразная орбитальная крепость парила в поле зрения, ее зубцы были ярко освещены мягким солнцем и сиянием планеты. В темных нишах мерцали огоньки. На причалах, к которым было пришвартовано несколько крупных торговых судов, мигали навигационные маяки.

— Там. Корабли беженцев с Довара, — сказал Лоренц. Он подошел к экрану от окулуса. — Их опознавательные знаки совпадают.

— Я вижу их, — сказал Асторат. — У них выключены огни.

— Реакторы, вероятно, заглушены. Ауспик, подтверди.

Человек, чье лицо было окрашено в зеленый цвет из-за люминофорных экранов, над которыми он сгорбился, ответил:

— Ничего нет, капитан Лоренц, ни энергии, ни признаков жизни.

Асторат издал раздраженный горловой звук. Верховный капеллан предупреждал их об этом, но космические десантники надеялись, что этого не произойдет.

Прямо под платформой рифы, так и не превратившиеся в конце концов в острова, чисто сияли в море. Над ними была построена высокая башня.

— Мастер ауспика, увеличьте архипелаг. Включите гололит, — приказал Лоренц. — Показать крепость-монастырь, максимальное разрешение.

Электрический гул прорезал шум занятых работой людей. С потрескивающим хлопком закачалась широкая сфера изображения. В его полосатом свете были изображены рифы и крепость-монастырь. Единственный шпиль, усеянный пушками, высотой в полторы тысячи футов, увенчанный монументальным золотым ангелом, чье лицо в ореоле было склонено и скрыто под глубоким капюшоном, упирался в небо.

— Кровавый Шип, — сказал Лоренц. — Посмотрим, захотят ли они поговорить.

Лоренц постучал по клавишам. Группа сервиторов вспыхнула зеленым светом и замерла. Их вычищенные мозги были соединены для запуска протоколов шифрования Адептус Астартес. Их рты молча работали, издавая бессмысленные слоги.

— Иницирую контакт, — сказал Лоренц.

Сигналы тревоги зазвенели на всей командной палубе.

— Заставьте их замолчать, — приказал Лоренц.

— На нас нацелено оружие, милорд, — предупредил мастер ауспика.

— Мы ответим? — спросил мастер вооружения.

— Нет, — сказал Асторат. — Ангелы Вермилионовы скрытны. Они не будут рады нашему визиту. Они

хотят прогнать нас, вот и все.

— Ангелы Вермилионовые, приветствую вас, братья, — сказал Лоренц. — Я капитан Лоренц с корабля «Эминенс Сангвис», орден Кровавых Ангелов, Адептус Астартес. В духе дружбы просим разрешения состыковаться с вашей станцией и спуститься на поверхность.

— *Отказано*, — последовал короткий резкий ответ.

Крепость стала больше. «Эминенс Сангвис» провалился в ее тень.

— Разговорчивы, не так ли? — сказал Лоренц.

Он повторил свою просьбу. На этот раз словесного ответа не последовало. Снова зазвенели набаты.

— Ради любви к Великому Ангелу, выключить их! — сказал Лоренц.

— Больше орудий нацеливаются на нас, милорд, — сказал трэлл.

— Они не посмеют стрелять, — сказал Асторат.

— Надеюсь, это правда. Мы здесь статическая цель, — сказал Лоренц. — Наши шансы на выживание минимальны.

— На поверхности произошел энергетический всплеск, — сказал мастер ауспика. — Ангелы Вермилионовые включают свои защитные лазеры.

— А крепость? — спросил Лоренц, просматривая свои дисплеи.

— Пока ничего.

— Что ж, неприятно. Что мы скажем им теперь? — спросил Лоренц Астората.

— Ждем. Удерживаем позицию, — сказал Асторат.

На мостик вышла бронированная фигура. Боевой доспех был темно-красного цвета и напоминал мускулы, с которых сняли кожу. Золотая отделка, усыпанная драгоценными камнями, обрамляла это кровавое произведение искусства. Следом шли четверо немых сервиторов с оружейным контейнером цвета обсидиана и размером с гроб.

Воин был с непокрытой головой по праву звания верховного капеллана. Его звали Гереон, и говорили, что ни один ангел с более прекрасным лицом никогда не занимал эту должность. Его кожа была идеального молочно-белого цвета, глаза бледно-зеленые, а волосы темно-рыжие. Он излучал силу и благородство.

Асторат опустился на колено.

— Верховный капеллан, — сказал он.

— Мы скажем им, что находимся здесь по официальному делу Имперiums, и нам никто не откажет, капитан Лоренц. Установите вокс-связь.

Сервочереп с зияющим вокс-рупором вместо рта отделился от густо украшенного потолка командной палубы и спикировал вниз, чтобы зависнуть над головой Гереона.

— Это верховный капеллан Гереон. Вы позволите нам состыковаться и спуститься на поверхность. Вы отключите свое оружие.

— *Мы не станем. Вам не рады,* — ответил голос. — *Уходите.*

— Это не посольская любезная миссия, брат мой, — строго сказал Гереон. — Мы здесь по приказу командования сектора Имперского Флота. Они хотели бы знать, что вы делаете, владея этими хартистскими транспортами. Власти Довара также потребовали, чтобы я выяснил, что именно произошло с гражданами, эвакуированными перед лицом недавнего вторжения ксеносов.

Ответа не последовало.

— Либо вы позволите нам приземлиться и поговорить с магистром вашего ордена, — сказал Гереон, — либо мы отправимся с неблагоприятным отчетом. Следующая делегация, которая приедет сюда, будет менее дружелюбной. Лучше решить этот вопрос между нами, как между братьями, чем через вмешательство Инквизиции.

Тишина встретила его слова.

— Они не деактивируют свое оружие, — сказал Лоренц.

— Любой акт агрессии против этого корабля будет воспринят Кровавыми Ангелами как объявление войны, — сказал Гереон. — Ваш орден, скорее всего, будет объявлен отступническим. Разрешите нам доступ.

Четыре минуты они ждали ответа.

— Они не слушают, — сказал Лоренц. — Я предлагаю отойти на окраину системы и связаться с Данте. Это беспорядок.

— Подожди, — сказал Гереон.

Прошло еще несколько минут. Наконец, вокс зашипел, когда канал снова открылся.

— *Встаньте на якорь в тридцати милях от станции «Высокий Коринал». Без прямого доступа. Не пристыковывайтесь. Вы можете подняться на поверхность в одиночку, верховный капеллан, используя транспорт.*

Вокс отключился.

— Подведите нас ближе к орбите, — приказал Лоренц. — Дистанция девятьсот ярдов. Я не буду стоять там, где они смогут сбить нас без риска для своих объектов. Системы вооружения пусть остаются бездействующими, но артиллерийские расчеты должны быть готовы к немедленному ответному удару. Инженариум, увеличьте выходную мощность до боевой готовности.

— Не провоцируй их, — сказал Асторат.

— Предосторожность, не более того, — сказал Лоренц. — Они не должны жаловаться. Если ты направишь на меня пистолет, будет справедливо, если я возьмусь за рукоять своего. — Мягкие фанфары зазвучали, когда его приказы были отмечены как принятые. Показания реактора выросли. — Орки встречали меня теплее.

— Подготовь мой «Громовой ястреб», — сказал Гереон. — Я выполню их просьбу.

— Это не самый мудрый шаг, — сказал Асторат.

— На этот раз мы с Асторатом согласны, — сказал Лоренц.

— Это единственный путь, доступный нам в данный момент, — сказал Гереон. — Верю, что ты вызволишь меня, если что-то выйдет из-под контроля.

«Громовой ястреб» Гереона был окрашен в черный и костяной цвета капелланства. Люки были окрашены в кроваво-красный цвет ордена и несли его геральдику, но его главная ливрея была покрашена в манере, выходящей за предписания ордена и общей для тех, кто претендует на происхождение от Сангвиния. На Коринале не было ничего от этого братства.

Кровавый Шип увеличивался в размерах, готовясь встретить судно. Хотя с высоты мелкое море казалось спокойным, вблизи стали видны чудовищные волны. Несущиеся через глубокие океаны беспрепятственными ветрами, при столкновении с более мелкими водами континентального шельфа они спотыкались от трения и собирались в массы воды с холм высотой. Крепость-монастырь оказалась прямо на их пути. Пока «Громовой ястреб» кружил, волна высотой в девятьсот футов поглотила две трети высоты шпиля. Когда он двинулся дальше, морская пена грохочущими водопадами стекала с уступов шпиля и защитных батарей, устремляясь назад, чтобы присоединиться к большему телу океана. Отлив этой огромной волны периодически обнажал рифы. Гигантские сессильные^[3] существа, обитавшие там, раскинули отростки, чтобы схватить выброшенную на берег рыбу, прежде чем она снова погрузится под воду.

Затем последовали десятки меньших волн, каждая слабее предыдущей, пока море не вернулось к чему-то близкому к равновесию. Даже тогда оно безостановочно вздымалось и хлопало по могучим пластальным корням крепости-монастыря. Океан Коринала никогда не был спокойным.

Противовзрывной щит открылся на полпути вверх по шпилю, намного ниже уровня, залитого океаном несколько мгновений назад. Коды допуска были переданы на корабль молча, без церемоний.

Гереон стоял в одиночестве в транспортном отсеке «Громового ястреба», пока корабль сбрасывал высоту и выравнивался. Он не видел ничего из того, что происходило снаружи корабля. Он был сосредоточен на том, что он должен сделать в Кровавом Шипе. Ангелы Вермилионовы были недружелюбными изоляционистами. Это будет нелегко.

Посадке предшествовало изменение гула двигателя и внезапное замедление. Гереон переместил вес на магнитных захватах брони, противодействуя меняющейся перегрузке. Посадочные опоры лязгнули, корабль вздрогнул, остановился и опустился на пневматике шасси.

Прежде чем открыть люк, Гереон надел свой шлем. Он тоже был украшен алыми гребнями, представляющими собой мускулы без кожи. С надетым на голову шлемом он превратился в гротескного освежеванного гиганта, зубы его стилизованной решетки респиратора цвета слоновой кости отливали красным.

Черные крылья его прыжкового ранца шевельнулись. Гереон схватил топор Палача, теперь уже без ножен, этот проклятый клинок, унесший столько порченных жизней за прошедшие тысячелетия.

Через броню он послал сигнал кораблю, приказывая открыться. Передняя штурмовая рампа с шипением опустилась. Его ботинки оторвались от палубы.

— Жди меня здесь, — просигналил он пилоту и вошел в крепость-монастырь Ангелов Вермилионовых.

Через открытые стыковочные ворота виднелось ярко-синее небо. Этот свет лишь немного проникал внутрь. Тусклые кровавые фонари залили ангар глубоким и неприятным красным цветом. Пол был из черного мрамора с густыми прожилками, но какие истинные цвета имел камень, оставалось загадкой; все было окрашено огнями.

Там не было ни трэлов, ни других смертных. Пятеро сервиторов дремали в своих люльках в задней части отсека. Это была небольшая палуба, на которой можно было разместить пару боевых кораблей, не более того. Его ждал одинокий космический десантник в доспехах более бордовых, чем освещение. Его геральдика имела сходство с символами Кровавых Ангелов: капля крови, обрамленная черными крыльями, внутри капли заключен череп. Гереон за свою долгую жизнь повидал множество вариаций на эту тему. За немногими исключениями, символы преемников Кровавых Ангелов были тесно связаны с орденом их отца. Будучи первородными, Ангелы Вермилионовые носили символику более близкую к оригиналу, чем у большинства потомков. Это был знак их ужасных уз — черная смерть Сангвиния и проклятие, которое она навлекла.

Однако воин не проявлял никаких признаков братства. Он оставался в шлеме на протяжении всего разговора. Если это и была встреча родственников, то они уже давно стали чужими.

— Я Калдот Моар, первый клинок магистра ордена Шолда, — сказал воин. — Что привело вас в Кровавый Шип?

— Ты пренебрежительно приветствуешь братьев.

— Хотя наша кровь едина, расстались мы давным-давно, — кратко сказал Моар. — Идем своим путем и ничего не должны Кровавым Ангелам. Излагайте свои дела или уходите.

— Я поговорю с вашим магистром. Немедленно.

— По какому праву вы предъявляете это требование?

— Властью лорда-командующего Данте.

— Данте не магистр Ангелам Вермилионовым, — сказал Моар. — Шолд здесь магистр, и никто другой.

— Тогда властью капеллана Кровавых Ангелов, над которыми я владыка; искупитель заблудших из нашей родословной. В этом моя власть охватывает даже тебя.

— Другие могут согласиться с вами, верховный капеллан, но мы не признаем вашего права на роль искупителя, — сказал Моар. — Мы сами спасем себя.

— Итак, по воле Императора Человечества, чьи корабли вы неправомерно удерживаете и чьи граждане исчезли под вашим присмотром, ваш повелитель встретится со мной.

Мор ничего не сказал.

— Вы также отвергаете Его авторитет? — Гереон многозначительно взмахнул топором.

Мор помолчал.

— Ожидайте здесь. — Он обернулся, не говоря больше ни слова.

Герееон остался один. Завыла навязчивая сирена, в ангаре потемнело. Внешний мир погрузился под воду из-за гигантской волны, проскользнувшей мимо атмосферного энергетического щита залива. Противовзрывные двери оставались открытыми, показывая верховному капеллану, что он не пленник. Это тоже было не вежливостью, а предложением уйти.

Накатили новые волны. Полчаса спустя Моар вернулся в сопровождении двух сангвинарных гвардейцев, одетых в такие же темно-красные доспехи, как и его собственные. Цвет придавал посмертным маскам демонический оттенок, который не нравился Герееону.

— Вас примет магистр ордена Шолд. Быстро. Вы поговорите, а после покинете нас.

— Это все, о чем я просил. Спасибо.

— Сюда, — сказал Моар.

Мор провел его в огромный зал в центре Кровавого Шипа. Вдоль стен стояли статуи, каждая из которых была покрыта черной тканью, скрывая свою сущность от верховного капеллана. Статуя примарха занимала огромную часть стены с алтарем у его ног. Его крылья и руки были расправлены. По крайней мере, Герееон предположил, что это был примарх, судя по форме. Изображение Сангвиния тоже было скрыто огромным черным саваном. На яркой ткани символ ордена был вышит красным и золотым, хотя цвета переливались друг с другом в тусклом кровавом свете. То мастерство, которое он мог разглядеть в этом адском освещении, было изысканным, равным тому, что могли создать Кровавые Ангелы, но все изображения человеческой формы были скрыты. Моар проигнорировал его наблюдения и погрузился в изучение пола. Сангвинарная гвардия ушла. Крылья Герееона дернулись, когда он смотрел, как они уходят.

Зал был пуст. Еще одна протяжная музыкальная сирена завывала в крепости. Серия едва заметных толчков сотрясла гигантский шпиль, когда его снова поглотило море.

— Где ваши слуги и братья? — спросил Герееон.

Мор резко поднял глаза.

— Наши братья?

— Здесь никого нет.

— Они заняты. Мы меняем наших трэллов. Скоро у нас будут новые слуги — вы пришли к нам в необычное, но важное время.

— Празднество?

— Сожаление, — сказал Моар. Больше он ничего не сказал по этому поводу и вернулся к созерцанию напольной мозаики.

Предстояло еще одно долгое ожидание. Герееон сосредоточился на борьбе с растущим гневом. Он убрал свои чувства в кокон брони, затем погрузился в свой разум. «Безмятежность — враг жажды», — сказал он себе громким шепотом в шлеме. «Спокойствие — это начало сдержанности, четвертой добродетели». Затем он повторял про себя слова *Solus Encarmine*, позволяя времени течь в ритме пения.

— Верховный капеллан. — Голос нарушил его концентрацию. Сделав долгий контролируемый выдох, Герееон вернулся в настоящее. Сангвинарная гвардия сопровождала воина в богатой броне. Шлем был

снят, и лицо его было похоже на Ангела, но в его чертах была резкость, которой не было у Кровавых Ангелов. Его губы были тонкими и жестокими, а белки глаз были кроваво-красными.

Мора нигде не было видно.

— Вы магистр ордена Шолд? — спросил Гереон.

— Я, — сказал воин. Раздражение оборвало слова магистра ордена. Он всем своим видом показывал, что Гереону тут не место. — Вы прибыли в неудачное время, господин. Мы всю готовимся к церемонии Сожаления. Ваш визит сюда — нежелательное отвлечение. Если бы вы только сообщили, что приедете, мы могли бы договориться о взаимоприемлемой дате.

— Вы должны простить меня, — сказал Гереон. — Мы давно уважаем ваше стремление к одиночеству, хотя то, что вы остаетесь врозь, огорчает Ордены Крови. Тем не менее, на протяжении тысячелетий вы разъясняли нам свои желания, и мы соблюдали ваши условия. Увы, ваши действия вынудили нашего лорда-командующего, и мы должны отказаться от уважения к вашему одиночеству. Мы не могли ждать. Инквизиция с подозрением относится к вашим действиям, близится война, и мы не хотим, чтобы орден Великого Ангела был объявлен отступническим. Я пришел...

— Я знаю, почему вы здесь, — холодно сказал Шолд. — Возвращайтесь туда, откуда пришли, и скажите своему господину Данте, что мы вернем флот хартистов под опеку Имперского Флота. Они нам больше не нужны.

— А как насчет их экипажей и беженцев, которых они везли?

— Мы вернем корабли. В течение недели мы объявим пункт обмена, — сказал Шолд.

— А люди? — настоял Гереон властным голосом.

Шолд был магистром ордена, но немногие могли отвергать Гереона. Он посмотрел в сторону. Оскалил зубы, сквозь которые шипело дыхание. Когда он оглянулся, выражение его лица стало еще более свирепым, а его клыки выскользнули из десен, выпустив струю крови из нижней губы.

— Вы хотите знать, что стало с этими людьми, с этими забытыми тысячами? Тогда я покажу вам.

Он резко повернулся и махнул Гереону следовать за собой. Капеллан заметил часовых в нишах, настороженно наблюдающих за ним и магистром ордена. Сангвинарная гвардия пошла в ногу со своим господином.

— Он должен увидеть! — сказал Шолд часовым, когда те вышли из своих бронированных постов. — Значит, он увидит. Он будет наблюдать за нашими приготовлениями к Сожалению.

Шолд провел Гереона через дверь в богато украшенной стене. Винтовая лестница спускалась вниз, ведя их в места более утилитарного характера. Они сошли с лестницы на небольшой площадке. Вход в ее конце открылся: пара дверей отъехала вбок, затем две за ними скользнули в пол и потолок. Наконец вверх загрохотала решетка.

Шолд привел его в огромное промышленное помещение. Рельсы были подвешены на стальных тросах к потолку. Трубы пускали пар из пола.

— Вот ваши пропавшие граждане, — сказал он.

С перил свисали фигуры в полупрозрачных пластиковых мешках. Маленькие инфопанели, вмонтированные в их груди, подмигивали в красноватом полумраке. Мягкие уплотнения в мешках для трупов позволяли интубационным трубкам проникать в спящие фигуры на запястьях, шеях и бедрах, доставляя кровь в контейнеры, висящие у них под ногами. Сангвинарные жрецы в белых доспехах ходили между проходами, проверяя урожай. Каждые десять секунд очереди качались вперед под скрежет какого-то скрытого двигателя и визг колес, от которых раскачивались мешки.

Шолд повел Гереона к центру, тела по обе стороны.

— Некоторые из них — экипаж и груз пустых кораблей, которые мы держим на нашей орбите, — пояснил он. — Остальные — наши трэллы. Их труды окончены. Каждые пятьдесят лет мы меняем наши запасы на новые, а старым оказываем большую честь. Процедура почти завершена — мы прошли две трети пути. Из оставшихся смертных с кораблей набраны новые слуги, а остальные присоединятся к нам и нашим освобожденным слугам, кровью к крови.

— Ты высасываешь из них жизнь... — тихо сказал Гереон. От запаха крови у него выделялась слюна. Его десны заболели, когда зубы зашевелились в верхней челюсти.

— Да, — откровенно сказал Шолд. — Ты тоже должен это почувствовать — запах этой живительной жидкости будоражит тебя, ты знаешь его ужасающую притягательность. Если хочешь, можешь испить, сколько пожелаешь. — Он засмеялся ужасным, отчаянным смехом. — Мы все должны питаться. Это наша природа. Через пять дней мы закончим. С этих тел снимут кожу, их кости очистят, и они будут преданы земле со всеми почестями в часовне Острова Мучеников. Мы искупаемся в их крови. В ее мы вольем сущность Сангвиния, вскрыв вены одного из наших жрецов и опустошив его до смерти. Затем кровь будет снова обработана и приготовлена в жидкую пищу для битвы. После этого она вводится в дозаторы наших доспехов, чтобы питать нас на войне. Здесь запас на полвека.

— Вы зашли слишком далеко! — сказал Гереон. — Вы оскверняете священную жизненную жидкость самого примарха!

— Мы делаем то, что должны, — сказал Шолд. — Насколько далеко можно зайти ради защиты Империи, верховный капеллан? Экстерминатус? Уничтожение целых народов для убийства нескольких предателей? Чем это отличается по своим масштабам?

— Они пришли к вам за помощью. Они думали, что вы собираетесь их спасти.

— Мы спасли. Довар все еще в руках Империи. Большинство горожан выжило. Благодаря жертве тех, кто бежал, многие другие в других мирах будут спасены! Эти мужчины и женщины удостоены чести. Они не чувствуют боли. Мы относимся к ним с уважением. — Ангелы продолжили свой путь по периодически дергающейся линии и подошли к глубокой шахте, идущей вверх по центру Кровавого Шипа. Там заканчивался десяток производственных линий. Тела автоматически переворачивались и сильно встряхивались, чтобы получить несколько последних капель крови. Мужчины с обнаженной грудью и морскими татуировками отстегивали мешки и выдергивали дренажные трубки из конечностей мертвецов. Кровь тщательно собирали, а тела бросали в мусорные баки на колесах, которые выталкивали из зала другие трэллы.

— Мы рано обнаружили, что, утоляя жажду, можем контролировать ее, — сказал Шолд. — Мы держались в стороне, стыдясь и считая, что лучше страдать в одиночестве. Сейчас это кажется ироничным. Каждый год лишь горстка из нас попадает под ее разрушительное воздействие, и ритуал на десятилетия отсрочивает наступление Черной Ярости. В конце концов мы все падём, но не в таком

большом количестве, как остальная часть Кровных.

— Это мерзость, — недоверчиво сказал Гереон.

— Это необходимость, — мягко сказал Шолд.

— Ничто подобное никогда не может быть оправданным. Я прекращу это сейчас, — сказал верховный капеллан.

Гереон активировал свой прыжковый ранец и прыгнул на магистра ордена. Шолд равнодушно поднял взгляд, когда Гереон ринулся вниз с поднятым топором.

Звонкий удар отбросил Гереона в сторону. Сангвинарный гвардеец схватился с ним в воздухе. Белые крылья переплелись с черными, пока воины сражались. Внизу второй охранник готовился к выстрелу из своего болтера.

Гереон сильно оттолкнулся назад рукоятью топора и вновь активировал ранец. Болты пронзили пространство, где он только что был, столкнувшись с направляющей, на которой был труп, и обрушив ее часть. Шлем Гереона запищал, когда капеллан отлетел назад и развернулся. Прыжковые ранцы не могли долго поддерживать настоящий полет, а его запас топлива быстро истощался. Его преследовали новые выстрелы, разрывая бессознательных смертных в клочья плоти. Гереон с грохотом ринулся к гвардейцу, пробиваясь сквозь поток болтерного огня. Снаряд разорвался на его нагруднике, вызвав новые сигналы тревоги. Отведя топор назад, он метнулся к ближайшему гвардейцу, от инерции полета наконечник топора прошел сквозь броню. Кровь хлынула наружу, черная в красном свете.

Развернувшись на каблуках, Гереон парировал сокрушительный удар второго гвардейца. Он взмахнул рукоятью, сбив воина с ног и с грохотом повалив его на землю. Запах крови затуманил разум Гереона, пробуждая зверя в его груди. Будь он в другом месте, он бы пощадил воина.

Топор упал, разрубив голову сангвинарного гвардейца надвое.

Обжигающий взрыв повалил Гереона на колени. Доспехи издали горны боли, но в своем обезумевшем состоянии он едва почувствовал удар и повернулся в поисках источника, чтобы разнести его.

Два отделения Ангелов Вермилионовых окружили его с оружием наготове. Гереон зарычал и приготовился умереть.

— Остановитесь! — проревел Шолд. Его крик пронзил кровожадность Гереона. Только герой величайшей воли мог так быстро подавить Жажду. Разум Гереона прояснился.

— Не причиняйте ему вреда! Не атакуйте его! — приказал Шолд. Зеленые глазные линзы светились посреди скотобойни. Болтеры были нацелены на верховного капеллана. Кучами лежали тела, соскользнувшие со сломанных рельсов. — Убереите топор, верховный капеллан, вы не пострадаете.

Нерешительно Гереон опустил топор Палача. Шолд кивнул в его сторону. Четверо космических десантников подошли и схватили его.

Шолд обратился к Гереону.

— Я сохраняю вам жизнь не из любви, верховный капеллан, а потому, что ваше убийство навлечет на нас гнев Сангвинарного братства. — Он оглядел подвешенные тела. — Хотя один Император знает, что немногие среди них более невинны, чем мы. Все наши руки в крови. — Он снова посмотрел на Гереона.

— Ваш орден слеп. Вы ослеплены славой древних дней, которые никогда не вернуться. Вы не видите зла, которое окружает все, что мы делаем. Сангвиний — это воспоминание, проклятое воспоминание, — сказал он, сверкая красными глазами. — Его смерть обрекает всех нас, но мы еще немного постоим на защите человечества! Мы... — Шолд судорожно вздохнул и закрыл глаза. Когда он снова заговорил, слова звучали тихо и с явным самообладанием. — Ты вернешься и скажешь лорду-командующему Данте, что мы остаемся верными подданными Императора, но мы не можем — не позволим — нашему ордену погибнуть из-за разрушительного действия Красной Жажды. Кто эти люди здесь? Они капли в океане изменчивой крови. Они не будут забыты. Их жертва ничто по сравнению с десятью тысячами лет верного служения Империи. Бесчисленное множество таких же, как они, были бы мертвы, если бы не наша десятая. Раз в пятьдесят лет мы проводим Сожаление. Вот и все. Не думайте, что это приносит нам удовольствие. Мы назвали эту церемонию так из-за бремени, которое она возлагает на наши души, зная, что столько невинных должно пролить кровь, дабы сдержать нашу ярость, — сказал Шолд, приблизившись к лицу Гереона, сгорбленный, почти звериный. — Мы чудовища, хотя должны быть ангелами, и это мучает меня каждый день. Но мы живем в эпоху, когда нас окружают худшие монстры, и если объятия тьмы заставят свет сиять немного дольше, то так и должно быть. Разве ты не видишь?

Красная Жажда снова пробуждалась в Гереоне. Он боролся с хваткой Ангелов Вермилионовых. Его доспех зарычал от напряжения, но они были слишком сильны, и он не мог их отбросить.

— Ты неправ. С тьмой нужно бороться. Это бойня! Лучше, если ты умрешь, а твой орден расформируют, чем допустят, чтобы эта мерзость продолжалась. Лорд Данте этого не потерпит.

Шолд отступил назад, и в его поведении вернулась часть бывшего благородства.

— У Данте нет выбора. Вы считаете нас дураками? Мы приняли меры предосторожности.

Гереон перестал сопротивляться.

— Как же так?

— Вечно мы, Кровные, скрывали свой позор от глаз Инквизиции, и если Кровавые Ангелы выступят против нас, мы раскроем всем истинную природу родословной Сангвиния. Не только мы, но и Кровавые Ангелы и каждый Орден Крови будет низвержен, и имя идеального ангела станет синонимом ужаса.

— Не посмеешь.

— А какой у меня остается выбор? — спросил Шолд. — Со времен Второго основания мы стыдились Изъяна, Красной Жажды и Черной Ярости, которых он приносит. В искупление мы посвятили себя войнам раскаяния, битвам, которые даже не замечают достаточно долго, чтобы их можно было забыть, но каждое сражение заставляет свет человечества гореть немного дольше. Наш вклад в будущее Империи небольшой, но жизненно важный. Эти смерти — небольшая цена, которую мы должны заплатить, чтобы гарантировать продолжение наших усилий.

— И все же вы готовы уничтожить ордены своих братьев? Это безумие.

— Не безумие! Мы должны угрожать вам уничтожением, иначе вы уничтожите нас, поплатившись большой кровью и отвлекая наши совместные усилия от врагов человечества в бессмысленной гражданской войне. Мы не враги, верховный капеллан! Увидь вы наш список почета, вы бы оценили эти смерти как достойную замену. На все есть цена. Мы платим эту кровавую десятину за привилегию долга со слезами на глазах. Так же, как жизни брата Готора и брата Кавала были справедливой ценой за ваше понимание. — Шолд указал на мертвого сангвинарного гвардейца и внимательно посмотрел в линзы

шлема Гереона. После минутного раздумья он указал на своих людей. — Он не представляет угрозы. Отпустите его. Пусть идет на свой корабль и к своим братьям. На сегодня достаточно кровопролития.

Гереон стоял. Болтеры поднялись вокруг него. Шолд поднял руки.

— Братья мои, верховный капеллан ничего не сделает. Теперь он понимает. С уважением верните его оружие — это священная реликвия.

Топор Палача был вложен в руку Гереона. Он собирался вонзить его в голову Шолда. Но он не мог. Случись войне — многие невинные жизни были бы потеряны, чтобы отомстить за уже потраченных, и Кровавые Ангелы не смогли бы пережить раскрытие своих самых тёмных секретов. Он позволил топору соскользнуть вниз, так что его рукоять ударилась об пол.

— Ну вот, ты понимаешь. — Шолд печально улыбнулся. — Ступай. Не думай, что когда-нибудь вернешься сюда. Сообщите лорду Данте, что между нашими орденами никогда не может быть сближения. Мы будем сражаться вместе с вами, когда того потребуют обстоятельства, но мы никогда не станем частью вашего более широкого братства. Пусть Кровавые Ангелы займутся своим искуплением Изъяна. Мы разберемся с этим по-своему. — Он указал на перерабатывающий завод. — Проводите его обратно на его корабль.

Асторат ждал, когда «Громовой ястреб» приземлится в главном ангаре «Эминенс Сангвис». Гереон молча вышел.

— Мой господин! — позвал Асторат, увидев повреждения доспехов верховного капеллана. — Что случилось? На вас напали?

Гереон повернулся к своему адъютанту.

— Это неважно.

— Были ли ваши переговоры успешными?

— Они вернут корабли, — сказал Гереон.

— А как же беженцы, экипажи?

— Их судьба только для ушей лорда Данте, — мрачно сказал Гереон. — Пусть Лоренц отведет нас к точке Мандевилля. Мы отправляемся домой на Ваал.

1. Ориг. «Eminence Sanguis». Eminence (англ.) — эминенция, церк. титул католических епископов и кардиналов; преосвященство. Sanguis (лат.) — кровь.
2. Линия границы между освещённой частью планеты и неосвещённой, границы света и темноты.
3. От лат. sessilis — сидячий, организмы, неспособные к самостоятельному активному движению.

Источник —

[https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Эминенс_Сангвис/_Eminence_Sanguis_\(рассказ\)&oldid=25601](https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Эминенс_Сангвис/_Eminence_Sanguis_(рассказ)&oldid=25601)